

Д.Г. Савинов

Россия, Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный университет

Археологические формы «тюркизации» населения Западной Сибири в историческом контексте

Понятие «тюркизация» как определение влияния/распространения тюркоязычных кочевников среди раннесредневекового населения Западной Сибири давно уже стало общеупотребительным. Различным аспектам решения этой проблемы посвящена достаточно обширная литература: исследования А.П. Дульзона, Л.А. Чиндиной, Л.М. Плетневой, Т.Н. Троицкой, В.А. Могильникова, Б.А. Коникова, А.М. Илюшина, С.В. Неверова, А.С. Васютина и др. В работах этих и других авторов рассматриваются вопросы хронологии и периодизации западно-сибирских археологических культур, выявления в них различного рода элементов южного происхождения, возможные пути распространения их носителей и т.д. По многим из этих вопросов мнения исследователей совпадают, по некоторым — расходятся. Однако именно такие расхождения актуализируют дальнейшие исследования в этом направлении — определения содержания и форм проявления процессов тюркизации.

Рассмотрение данной проблемы в целом, с учетом огромного количества фактического материала, вообще вряд ли возможно. Поэтому ниже будут конкретизированы только некоторые теоретические аспекты изучения того, что принято называть процессом тюркизации. Ареал распространения этих процессов на территории Западной Сибири был определен А.П. Дульзоном по данным топонимики на уровне 55 параллели — немного севернее линии Красноярск — Томск — Тобольск, с выделением сплошного и более редкого распространения тюркских топонимов. Время тюркизации — период господства на юге тюркоязычных правящих династий (середина I – начало II тыс. н.э.).

1. Понятие тюрки (соответственно — тюркизация), а применительно к эпохе раннего средневековья — древние тюрки, не столь однозначно, как это кажется. Первоначально, после открытия древнетюркских рунических надписей в Монголии, оно использовалось в прямом — лингвистическом — значении этого понятия (В.В. Радлов); потом было перенесено на историю народов «эпохи рунического письма» (С.П. Толстов, С.В. Киселев, А.Н. Бернштам, С.Г. Кляшторный); затем, по мере изучения культурного наследия раннесредневекового населения Центральной Азии и Южной Сибири, перешло на этнографический (Л.П. Потапов) и уже в последнюю очередь — на археологический материал (С.И. Вайнштейн, А.Д. Грач). Таким образом, круг культурных явлений, определяемых в целом как «древнетюркские» (а именно они участвуют в процессе тюркизации), оказывается достаточно широк и, учитывая полиэтничность всех раннесредневековых государственных образований, требует, по мере возможности, уточнения, какое из приведенных значений имеется в виду. Во всяком случае, на завершающем этапе тюркизации они должны каким-то образом совпадать.

2. Раннесредневековые общества Западной Сибири ни в коем случае нельзя рассматривать только как пассивных реципиентов постоянных инноваций, идущих с Юга на Север. Совершенно очевидно, что на территории Западной Сибири в эпоху раннего средневековья сложилась своя, самостоятельная — потестарная — форма этносоциального объединения, обладавшая определенной системой ценностей, механизмами сохранения и передачи традиций, отличная от древнетюркских государственных образований и существовавшая параллельно с ними. Наиболее близко к такому пониманию подошел Б.А. Конилов, посвятивший одну из своих работ проблеме «сосуществования, взаимодействия и противоборства двух великих цивилизаций — тюркской кочевой степной и угро-самодийской оседлой лесостепной и южно-таежной». О том, что это были высокоорганизованные военизированные общества, свидетельствует великолепный арсенал разнообразных предметов вооружения, представленных, например, в материалах рёлкинской культуры и других раннесредневековых памятниках Западной Сибири.

3. Обращаясь к анализу конкретного археологического материала, возможно, следует пока оставить в стороне, как свидетельства тюркизации, такие категории изделий, как поясные наборы «геральдического стиля» и серьги «салтовского типа», имевшие в это время чрезвычайно широкое распространение (Крым, Северный Кавказ, Приуралье и Прикамье), то есть далеко за пределами Западной Сибири. Археологических памятников периода Первого тюркского каганата вообще известно очень немного, тем более проблематично (за исключением отдельных находок) «узнавание» их в Западной Сибири. Это соответствует общей направленности экспансии правителей Первого тюркского каганата, устремленной главным образом на Запад (вплоть до Боспора) и, очевидно, обращавших мало внимания на население более северных областей.

4. Период Второго тюркского каганата знаменуется гораздо более интенсивным взаимодействием с югом Западной Сибири (достаточно вспомнить знаменитый поход древних тюрков 709–711 гг. на Енисей и далее через Северный Алтай с выходом на Иртыш), но это был военный поход (как, возможно, и некоторые другие такие мероприятия, не нашедшие отражения в письменных источниках), не связанный ни с этническим переселением, ни с освоением новых территорий. Приблизительно в это же время и позже в Западной Сибири появляются (правда, очень редкие) захоронения с конем и довольно значительное количество металлических изделий тюркского облика (поясные наборы с бляхами-оправами, предметы вооружения, стремяна с выделенной пластиной и др.), формально относящиеся, по саяно-алтайской периодизации, к катандинскому этапу культуры алтае-телеских тюрков (VII–VIII вв.). Однако имеются все основания полагать, что на территорию Западной Сибири они попадают не в период расцвета Второго тюркского каганата, а уже после его крушения под ударами уйгуров, т.е. не ранее середины VIII в.; причем, как показывают археологические материалы, в едином потоке с отдельными видами изделий предшествующего кудыргинского этапа. Носителями этих инноваций могли быть тюркоязычные кочевники, скорее всего, воинские подразделения, вытесненные со своих земель в период становления Уйгурского каганата. По всей вероятности это должно было привести к образованию своеобразной «билингвы», как языковой, так и культурной, с преобладанием, особенно в бытовой традиционной культуре, местных компонентов.

5. По настоящему процессы тюркизации в Западной Сибири начинаются с середины IX в., когда после гибели Уйгурского каганата на прилегающих к нему с севера землях, складывается одно из самых поздних и самое северное древнетюркское этносоциальное объединение — государство кимако-кыпчаков с центром на Иртыше. В рамках кимако-кыпчакской конфедерации (сросткинская культура, IX – начало X в.) образуется ряд локальных вариантов (северо-алтайский, кемеровский, новосибирский), располагавшиеся уже непосредственно на территории южных районов Западной Сибири. Именно в это время появляются повсеместно захоронения в сопровождении т.н. «шкуры» коня, многочисленные металлические изделия общетюркского облика, характерные для сросткинской культуры ажурные украшения, свидетельствующие о сложении многочисленного тюркизированного, очевидно, как в языковом, так и в культурном отношении, населения. После распада кимако-кыпчакского объединения (в 30-х гг. XI в.) «центробежные» направления расселения входивших в него этнических групп «разнесли» эти традиции еще дальше на Север. А последующая басандайская культура (XI–XIII вв.) уже закрепила эти особенности генетически.

Дальнейшее взаимодействие всех тюркоязычных групп происходило уже в рамках нового культурно-исторического пространства, получившего образное наименование «Дешт-и-Кипчака».